

Барьер свободы выше барьера несвободы

Общая газета. - 1999,
- 28 окт. - 3 нояб. - с. 10

Исполнилось 60 лет театру миниатюр Аркадия Райкина

Альберт ПЛУТНИК

ЭТОТ театр возник в Ленинграде, его основателем было тогда двадцать восемь лет. В пятьдесят семь он стал народным артистом СССР. В шестьдесят девять удостоен Ленинской премии. А по случаю 70-летия партия и правительство сочли возможным присвоить артисту звание Героя Социалистического Труда.

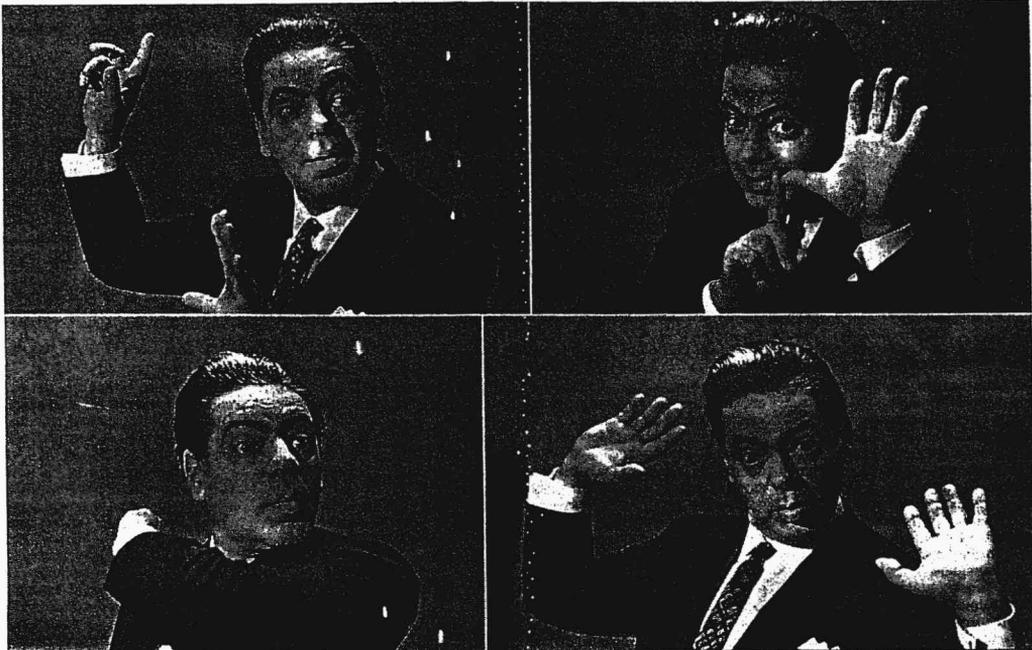
Народный любимец, не обделяемый, хотя и весьма неспешно, как бы после полных и мучительных раздумий, государственным вниманием. Не компрометирует ли оно лицезрение в представлениях весьма требовательных потомков? Учитывая тем более специфику его творчества? А он, к примеру, блистательно воспроизводил социальные типы своего времени, создавал сатирические маски, пытаясь силой обличения изменить окружающую его действительность. Ту, что вобрала в себя на его веку все три наиболее губительных для свободы творчества периода — культ личности, волюнтаризм и застой. Идеологическая уда, партийная цензура, торжество косности... И такой власти Райкин нравился?

Вспомним, как в свое время при посещении редакции «Известий» был потрясен американский фельетонист Арт Буквальд, узнав, что в газете работает его советский коллега, награжденный государственным орденом. Орден сатирика? Тому, для кого профессиональный долг — развенчивать тупость верноподданничества, обличать чиновничьи нравы, высвечивать то, что власть так и норовит понадежнее укрыть от глаз людских?

Кубилей театра миниатюр — неплохой повод напомнить о том, какими путями приходила слава к нашим художникам, композиторам, артистам-исполнителям, к так называемым звездам эстрады прежде и как приходит теперь, в пору свободы слова и славы.

Это стало нынче целой индустрией — по заказу нагонять творческой вес. По договорным ценам создавать клиентам юмор. А проще — благоприятную для них известность, вышнюю славу. Пусть не всенародную, как у Райкина. Меньшего объема и масштаба. Но такую, чтобы публика не проходила мимо.

Дело в том, что слава артиста нужна не только самому артисту, но и тем, кто на него рассчитывает. Отсюда существовавшее издавна взаимовыгодное сотрудничество мастеров (или подмастеров) культуры и мастеров (или подмастеров) политики. Сегодня это партнерство обнажилось до неприличия. Спонсоры акладируют деньги в раскрутку тех или иных дарований (или призывных прозвучив дарованиями). А дарования, обретая имя, проводят акции типа «Голосуй, а то...» «Да!» И так далее. Те же авторы и исполнители сатирических култов тоже под

билетными прилюдно у спонсоров. Своевременно одарены материально осязаемыми знаками внимания. И таким образом зачислены в надежный политрезерв. Сатирик — правдолюб в таких случаях, похоже, особенно ценится. Им вроде бы в силу критически непримиримого склада дарования больше веры. Они в резерве — как в засаде. Мало ли зачем понадобится. К примеру, защитить доброе имя своего благодетеля, отнюдь не праведника.

С Райкиным было несколько иначе. В те годы отсутствия специализированных контор создание популярности тоже не отпадало на откуп случаю. Само признание таланта зависело от всемогущего имиджмейкера из четырех букв — КПСС. На публику обычно не высклакивались незаверенные таланты. Требовалась санкция. Подобная практика не обошла и Райкина. Но настоящей талант и захочет — не удержится в отведенных ему рамках...

Литература в России возникла, как известно, по недосмотру начальства. На советской же сцене райкинская сатира разгулила тоже вроде бы по недосмотру. Райкин опоздал запретить. Можно сказать, прозеваля. А впоследствии, когда стало очевидно, что власть таланта вполне сопоставима с властью должностных лиц, приобилиши к его славе, то есть сочли за благо сыпать наградами, убеждать сомневающихся, какой простор для творчества художников самого широкого звучания создан в стране. Райкин, который никогда не выслуживался перед властью,

теперь самым фактом отчасти оппозиционного репертуара делал ей комплимент.

Но, кажется, всемогущая власть нуждалась в непартийном и как бы антипартийном лицезрении больше, чем в добром из самых услужливых. Как нуждалась она, эта власть, в «Новом мире» А. Твардовского, в «Известиях» А. Аджубея, в театре Ю. Любимова. И в «Одном дне Ивана Денисовича» А. Солженицына. И в бутарских песнях В. Высоцкого. В том, против чего боролась. И ее ограниченная потребность в свободомыслии ни в какой мере не умаляет отвагу каждого, кто писал тогда поэты наперекор узаконенному единomyслию.

Острота бывших райкинских выпадов несравнима с едкостью и размытостью критикой современных нравов современными сатириками. Эти не оставляют камня на камне ни от коммунистов, ни от демократов. Распекать президента для них такая же рутина, как для сатирика советских времен — руководителю комбината батового обслуживания. Критикой кого хочешь, крой хоть центуриками, хоть нецензурными словами — разрешено... Тем не менее среди этих смельчаков, дорогу на эстраду которым несомненно проложил Райкин, личности райкинских масштаба что-то не заметно. Не видно, быть может, за исключением одного-единственного артиста такого дарования. Выясняется — ограниченные возможности, которыми пользовался Райкин, открывали лично перед ним большие возможности, чем перед остальными сегодняшняя безграничность. Притом

что среди остальных немало остроумных, открыто талантливых людей.

Было бы ошибкой, сравнивая сегодняшних эстрадных сатириков с Аркадием Райкиным, отдавать ему при весьма субъективном собственном суждении пальму первенства. Сравнить надо не сатириков разных эпох друг с другом. Единственно справедливый критерий для сопоставления — реальная значимость каждого из них в общественной жизни своего времени. И вот тут-то превосходство Райкина становится прямо-таки повально очевидным. Он был для тех, кто внимал его речам, чем-то вроде глотка свежего воздуха, он ободрял и утешал. Он давал надежду, а не убивал ее.

Слов нет, ведущие писатели-сатирики собирают полные залы, самолично читая (в прямом смысле) свои произведения. Их концерты — фактически те же самые, так популярные прежде, встречи писателей со своими читателями, на которые люди приходили без всякой платы в библиотеки. И авторы тем не менее были безмерно благодарны за проявленное к ним внимание. Теперь надо оплачивать свидания с любимыми авторами, продающими уже не только свои рукописи. Хотя предприимчивые писатели-совместители на таких встречах нередко — в той же степени чужды, в какой являются певцами абсолютно безголосые композиторы. Из тех, что теперь сплошь и рядом, избегая делиться доходами с более узкими специалистами — профессиональными певцами, переходят на полное самообеспечение. Сам написал —

сам спел. Зачем нам посторонние? Хозяин — барин. А может, они и правы? Может, и Чехову следовало в одиночку читать по ролям с театральных подмостков все свои пьесы? И не бедствовал бы. Но полагал, видно, что не зря весь ход прогресса пошел к поволеению, не исключая и театральную сцену, разделению труда. Не настаивал на том, будто талантливый человек во всем талантлив...

Итак, несвобода нуждалась в порциях свободы. В тех форточках, через которые поступал свежий воздух. Иначе бы быстрее задохнулась в собственном зловонии. А в чем сегодня нуждается в целях самосохранения наша свобода? В доказательстве свободы?

Новая эра многое открыла пред обличителями личных и общественных пороков. Но и закрыла многое. Создается странное впечатление, что в прежнем замкнутом пространстве сатиры жилось привольнее. Теперь, после Райкина, она, теряя свое лицо, нередко выглядит как разновидности юмора. Просто смеш, а — не сквозь слезы. А дело в том, что и свобода — западня. В известном смысле она не облегчает, а затрудняет положение художника. Да только ли художника? Когда смеются барьеры, когда расчищен путь — бежать легче. Но для привлекательности прелестными гладкий бег и сам по себе — самый высокий барьер. Неосвоенная целина свободы, прельщая и отпугивающая, простирается перед обществом, приурочившимся существовать в духовной тесноте...